
Ксения Завьялова
Забытье. Спаси меня

Ксения Завьялова
Забытье. Спаси меня

https://litres.ru/74734228
SelfPub; 2026

Аннотация

За фасадом обычного мегаполиса, где дома стоят так же серо, а машины едут по тем же дорогам, скрывается мир, собранный из человеческих грехов, стёртых воспоминаний и непрожитых травм — Забытье, мир темноты, куда попадают нераскаявшиеся души после смерти. София Епифанова — одна из немногих, кто способен туда проникать, хотя до недавнего времени считала эту способность болезнью. Ей приходится побывать на самом Дне Забытья, чтобы спасти Николая, чей голос однажды прорвался через годы молчания, но этот путь требует подлинного покаяния, которому она никогда не училась. Мешают неверие, пустота вместо религиозного опыта и Мерзость Запустения — сила, ищущая лазейку в реальность через чужие чувства и голоса. Каждая попытка молитвы вслепую оборачивается провалом и чужими голосами, не похожими на знакомый. Что находится там, в Забытье, куда не доходят лучи Божественного Света для человека, который не умеет верить?

Содержание

Глава 1 Голос в тишине 4
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Ксения Завьялова
Забытье. Спаси меня

Глава 1 Голос в тишине

«Просите, и дано будет вам; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Матфей 7:7-8)

Три часа семь минут. Цифры на телефоне бьют по глазам раньше, чем я успеваю понять, что вообще проснулась.

Имя. Кто-то произнёс моё имя, тихо, прямо у уха, так близко, что я почти чувствую тёплое дыхание на коже. «София». Не выкрикнул, не позвал издалека — произнёс так, как говорят человеку, который лежит рядом в темноте.

Я сижу на кровати, не понимая, в какой момент успела сесть. Сердце колотится где-то в горле, и я задерживаю дыхание, прислушиваясь. В квартире тихо, так тихо, что слышно, как гудит холодильник на кухне и как где-то за окном, восемью этажами ниже, с шипением проезжает редкая в этот час машина.

Никого. Разумеется, никого.

Рука шарит по тумбочке, натыкается на холодный пластик ночника, щёлкает кнопкой. Жёлтый свет заливает комнату, выхватывает знакомые вещи: стопку книг на полу, кружку с

присохшей заваркой, собственное отражение в тёмном экране выключенного телевизора напротив кровати. Отражение бледное, с растрёпанными тёмными волосами, глаза в полумраке кажутся огромными, будто им не хватает лица, чтобы уместиться.

Я заставляю себя встать. Босые ноги касаются холодного пола, и этот холод отрезвляет лучше любого аргумента. Дверь в комнату приоткрыта, я подхожу, выглядываю в коридор. Входная дверь заперта, цепочка накинута, как всегда, как я сама её накидывала перед сном. Два оборота ключа, цепочка, проверка ручки — ритуал, который я выполняю каждый вечер уже три года, с тех пор, как врач впервые произнёс при мне слово «диагноз» так буднично, будто речь шла о насморке.

Возвращаюсь в комнату. Окно закрыто, шпингалет на месте. За стеклом чернота двора, редкие жёлтые квадраты чужих окон, фонарь у подъезда, качающийся на ветру и бросающий дрожащую тень на асфальт. Ничего. Никого под окном, никого в коридоре, никого в квартире, кроме меня.

Голос был настоящим. Это первое, что приходит в голову, и я тут же одёргиваю себя, потому что именно так всё и начинается. Именно с этой уверенности. «Голос был настоящим» — так я думала три года назад, в то лето, когда перестала спать и начала слышать, как кто-то зовёт меня из соседней комнаты, хотя в квартире, кроме меня, никого не было.

Я сажусь обратно на кровать, обхватываю колени руками

и пытаюсь дышать ровно, как учила психотерапевт. Вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре. На втором цикле замечаю, что считаю вслух, шёпотом, и обрываю себя.

Таблетки.

Мысль о них приходит с опозданием, с чувством вины, будто я вспомнила о забытой на плите кастрюле. Вчера вечером, вернувшись с работы, я поставила чайник, достала блистер, положила на тумбочку — и там же оставила, потому что зазвонил телефон, менеджер из отдела что-то спрашивал про отчёт, а потом я легла проверить почту и так и уснула, не раздеваясь, поверх одеяла.

Я тянусь к тумбочке. Блистер лежит там же, где я его оставила накануне, пустая ячейка из вчерашнего дня зияет рядом с полной сегодняшней. Руки слегка подрагивают, когда я беру упаковку, не от страха, убеждаю себя, а просто от того, что резко вскочила с кровати, кровь не успела разогнаться.

Вот и ответ, думаю я, разглядывая таблетки в тусклом свете ночника. Пропущенная доза. Один вечер без лекарства не катастрофа, врач говорил, что организм не разваливается после единственного пропуска, но именно в такие ночи появляется вся та симатематика, ковторая была у меня в самом начале, до того, как подобрали правильную схему.

Это стресс, говорю я себе, и в этой фразе слышится интонация психотерапевта, будто я цитирую её слово в слово. Завтра презентация у клиента, с утра нужно быть собранной,

выспавшейся, а я вместо этого полночи не могу уснуть, прокручиваю в голове слайды, боюсь, что голос начальника отдела прозвучит раздражённо, если я опять что-то перепутаю в цифрах. Тело устало сильнее, чем кажется.

Я кладу таблетку на язык, запиваю водой из стакана, забытого на тумбочке ещё с вечера, тёплой, с лёгким привкусом пластика. Глотаю, жду привычной тяжести во рту, которая появляется после каждой дозы, будто организм сразу отчитывается о принятом лекарстве.

В квартире по-прежнему тихо, и эта тишина начинает давить, как давит она всегда в такие часы. Не зловеще, не жутко, просто пусто. Однокомнатная съёмная квартира на пятом этаже девятиэтажки, обставленная чужой мебелью, которую я почти не замечаю, потому что не считаю её своей. За три года, что я здесь живу, я так и не повесила ни одной фотографии на стены.

Я смотрю на телефон. Три часа одиннадцать минут. Позвонить некому, да и зачем, что я скажу? «Мне послышалось моё имя, и я не знаю, сон это был или нет»? Родители давно спят, и если я позвоню им в такой час, в маминой голосе тут же появится та особая осторожная мягкость, с которой говорят с человеком, способным сорваться. Подруг, которым можно звонить среди ночи, у меня не осталось: кто-то отвалился сам, когда начались госпитализации, с кем-то я рассталась сама, устав видеть в их глазах жалость пополам со страхом.

Одиночество в такие минуты не ранит, оно просто есть, как фоновый шум, к которому давно привыкла. Я укладываюсь обратно на кровать, подтягиваю одеяло к подбородку, оставляю ночник включённым, хотя обычно сплю в темноте. Сегодня темнота кажется слишком плотной, слишком похожей на ту, в которой чей-то голос только что произнёс моё имя.

Глаза закрываются сами собой, лекарство начинает действовать быстрее, чем обычно, видимо, из-за того, что организм вымотан бессонницей. Последняя мысль перед тем, как сон накрывает меня снова, не о презентации и не о пропущенной дозе.

Голос был мужской. И до странности, до озноба по коже, знакомый.

* * *

Сон рассыпается не постепенно, а сразу, целиком, как стекло.

«София, пожалуйста, услышь меня».

Это не звук, который долетает до ушей. Я лежу с закрытыми глазами, лекарство ещё держит тело вязким и тяжёлым, а слова уже внутри, будто кто-то произнёс их не рядом, а прямо там, где обычно рождаются мои собственные мысли. Между ними нет зазора, нет направления, откуда они пришли бы, если бы пришли снаружи. Я открываю глаза. Ночник всё ещё горит жёлтым, ровным светом, тени на потолке не шевелятся.

Я узнаю голос раньше, чем успеваю испугаться. Узнавание происходит где-то в животе, не в голове, будто тело помнит быстрее рассудка: та же манера тянуть предпоследний слог, та же хрипотца, с которой он всегда говорил, когда уставал или боялся. Николай. Я не слышала этот голос три года, с той последней ссоры на кухне, когда он хлопнул дверью так, что с полки упала кружка и разбилась, и я потом ещё неделю находила осколки под плинтусом.

Сердце начинает колотиться раньше, чем я успеваю что-либо решить. Я сажусь на кровати слишком резко, одеяло сползает, и в комнате вдруг становится холодно по-настоящему, не изнутри, а снаружи, будто форточка приоткрыта, хотя я помню, что закрывала её ещё днём.

Это рецидив. Первая мысль приходит чётко, обведённая, как в учебнике. Не сон, не стресс перед презентацией, не недосып — список оправданий, который я выстраивала минуту назад, рассыпается в труху от одного простого факта: голос назвал меня по имени. Раньше, в самом начале, до постановки диагноза, до подбора схемы, голоса были мутными, бесформенными, они шептали что-то на грани понимания, обрывки фраз без адресата, шум, который можно было принять за телевизор у соседей или за собственные нервы. Они никогда не говорили конкретно со мной. Никогда не называли меня по имени так, будто знают, кто я.

Я вспоминаю кабинет Виктора Сергеевича, его кожаное кресло, которое скрипит одинаково на каждом сеансе, его

очки, которые он снимает перед тем, как сказать что-то важное, будто без стёкол слова звучат честнее.

«Если голоса начнут называть себя конкретными людьми, Соня, сразу ко мне. В тот же день, не откладывая. Это важный маркер, понимаете? Это значит, что процесс меняет форму».

Он говорил это ровно, без нажима, но я помню, как у меня тогда похолодели пальцы. Называть себя конкретными людьми. Не просто произносить моё имя, а присваивать себе чужую личность, чужой голос, чужую историю. Я никогда не думала, что это будет звучать так. Так узнаваемо. Так по-настоящему.

Рука уже тянется к телефону на тумбочке раньше, чем я успеваю это осознать, пальцы находят экран на ощупь, высвечивается три часа семнадцать минут, значок батареи на тридцати двух процентах. Я открываю список контактов, нахожу «Виктор Сергеевич», большой палец зависает над зелёной трубкой.

И останавливается.

Три часа ночи. Я представляю, как телефон звонит в его квартире, как он, заспанный, щурясь, берёт трубку, слышит мой голос и сразу понимает: снова она, снова Епифанова, снова три часа ночи и паника в горле. Я представляю эту мягкую, профессионально выдержанную интонацию, с которой он скажет: «Хорошо, Соня, дышите, расскажите спокойно». Я ненавижу эту интонацию больше, чем саму болезнь. Она

напоминает, кто я теперь для всех вокруг: пациентка, которая звонит по ночам, случай в истории болезни, девушка, за которой нужно присматривать.

Палец соскальзывает с трубки, я закрываю список контактов, экран гаснет, и комната снова становится просто тёмной квартирой с жёлтым пятном ночника.

«София».

Голос возвращается, и в этот раз в нём что-то новое, чего не было в первом разе, какая-то дрожь, надлом, будто говорящий держится из последних сил. Не настойчивость безумца, который зациклился на одном слове. Боль. Настоящая, живая, та, которую трудно сыграть даже самому убедительному симптому.

«Пожалуйста. Мне нужна твоя помощь».

Я вжимаюсь спиной в изголовье кровати, прижимаю ладони к ушам, хотя прекрасно понимаю бессмысленность этого жеста: звук не снаружи, его нельзя заглушить руками. И всё равно делаю это, как ребёнок, который прячется под одеялом от темноты в комнате.

Все прежние голоса, которые приходили ко мне за эти годы, были рваными, безличными, они путали слова, повторяли одно и то же по кругу, иногда переходили в чистый шум, похожий на радиопомехи между станциями. Этот голос звучит собранно. Звучит как человек, который точно знает, кому и зачем он говорит, который помнит моё имя не как случайный набор звуков, а как что-то дорогое.

Аня. Это слово проскальзывает следом, тихо, почти неразборчиво, будто сказанное сквозь зубы, сквозь боль. Я не успеваю понять, кто это, не успеваю спросить, потому что внутри черепа вдруг становится пусто, так резко, что у меня перехватывает дыхание, будто кто-то одним движением выдернул звук из комнаты.

Тишина. Абсолютная, звенящая, настоящая тишина спящего дома.

Я сижу на кровати, обхватив колени руками, и пытаюсь понять, сколько прошло времени, десять секунд или десять минут, и единственное, что я знаю точно: голос не затих постепенно, как затихают воспоминания или сны. Его оборвали.

* * *

Телефон всё ещё у меня в руке, экран погас, но я не выпускаю его, будто он может доказать что-то, если держать достаточно крепко. Палец сам находит иконку сообщений, открывает диалог, который я не открывала давно и который всё равно помню наизусть, до последней запятой.

Переписка с Николаем обрывается на коротком «прощай», отправленном им больше года назад. Ни точки после, ни восклицательного знака, просто слово, брошенное в пустоту мессенджера, как будто он торопился закрыть приложение, пока не передумал. Я тогда перечитывала это слово так много раз, что буквы начинали казаться чужими, незнакомыми, бессмысленным набором символов. Сейчас оно вы-

глядит так же сухо, так же окончательно.

Выше, в глубине переписки, ещё живые голоса нас двоих: шутки про его начальника, фотография кота с чужого балкона, которого мы хотели забрать себе, но так и не забрали. Всё это существует где-то в телефоне, как законсервированное время, и я никогда не удаляла диалог, хотя психотерапевт в какой-то момент мягко предложил «закрыть эту главу окончательно». Я кивала тогда, соглашалась, и не закрыла ничего.

Расставание всплывает само, без приглашения, как оно всегда всплывает в три часа ночи: его голос по телефону, ровный, вежливый, слишком вежливый для человека, который должен был злиться или плакать. «Мне кажется, нам обоим будет легче». Никакой боли в интонации, никакой дрожи, будто он зачитывал заранее составленный текст. Тогда я восприняла это молчание его чувств как доказательство того, что чувств не было вовсе, что я всё это время любила человека, который умел только молчать в ответ. Боль от того разговора я похоронила методично, по инструкции: сначала таблетки, потом сессии у Виктора Сергеевича, потом привычка не произносить имя Николая вслух, даже самой себе.

И вот оно звучит у меня в голове посреди ночи, этим самым голосом, которым он произносил «мне кажется, нам обоим будет легче».

Я открываю приложение, в котором мы все выкладываем фотографии друг для друга, глупое тщеславие напоказ, и

вбиваю его имя в поиск. Страница открывается быстрее, чем я успеваю приготовиться к тому, что там увижу. Последняя фотография — он сам, у окна какого-то кафе, свет падает сбоку, подсвечивает скулы, русые волосы растрёпаны, будто ветром. Подпись ни о чём, пара слов про усталость и хороший кофе. Дата под снимком — шесть дней назад.

Шесть дней назад он был жив. Шесть дней назад он сидел где-то в кафе и пил кофе, и ничего в его лице на этой фотографии не выдаёт человека, который через несколько ночей будет звать меня сквозь темноту собственной квартиры с болью, какую сложно сыграть.

Я сижу, разглядывая эту фотографию, будто в пикселях можно найти ответ, и внутри поднимается странное, почти детское облегчение: он жив. По крайней мере формально, по крайней мере неделю назад был жив. Эта мысль держится ровно до того момента, пока голос не возвращается.

«Она придёт. Она знает, где я. Помоги мне».

На этот раз в нём нет той собранности, которая пугала меня минуту назад своей разумностью. Теперь это паника, настоящая, захлёбывающаяся, будто он говорит, оглядываясь через плечо, будто у него нет времени подбирать слова. Голос срывается на середине фразы, и мне кажется, я физически чувствую, как где-то далеко, в неизвестной мне комнате, человек прижимается спиной к стене.

Телефон выскальзывает у меня из пальцев, падает на одеяло экраном вниз, и я остаюсь сидеть, вцепившись пальцами

себе в колени, глядя в темноту перед собой, туда, где ничего нет, кроме силуэта шкафа и полосы жёлтого света от ночника на полу.

Все эти годы мне объясняли механизм очень просто: мозг создаёт голоса из обрывков памяти, из вытесненной боли, из того, что я не позволила себе прожить до конца. Мозг умеет склеивать знакомую интонацию из тысячи воспоминаний и подсовывать её как настоящую, потому что ему так проще справиться с тем, что я когда-то потеряла. Это объяснение всегда казалось мне разумным, даже в чём-то утешительным, оно снимало с меня ответственность за безумие, превращало его в понятный медицинский процесс, у которого есть название и протокол лечения.

Но мозг не умеет подсказывать имена людей, которых я никогда не встречала.

Мысль приходит не сразу, а медленно, боком, будто она боится столкнуться со мной напрямую. Аня. Это имя я услышала впервые полминуты назад, выдохнутое чужим голосом сквозь боль, и я не знаю никакой Ани, ни среди старых знакомых, ни среди новых, в моей жизни не существует человека с этим именем, который был бы связан с Николаем. Голос, который я годами считала собственным распадом, вдруг сообщил мне деталь, которую я физически не могла придумать, потому что мне неоткуда её взять.

И впервые за всё это время я позволяю себе мысль, от которой у меня немеют пальцы крепче, чем от любого присту-

па паники: а что, если это не болезнь.

Что, если три часа ночи, прописанные капли на тумбочке, многолетний диагноз и мягкий голос Виктора Сергеевича, уговаривающий меня дышать, все эти годы были не про меня, страдающую расстройством, а про что-то другое, чему я до сих пор не умею дать название.

Мысль такая огромная, что мне физически не хватает в комнате воздуха, и я поднимаюсь с кровати, потому что сидеть неподвижно с ней внутри невозможно.

* * *

Я стою посреди комнаты, не помня, как поднялась с кровати, и слышу собственное дыхание так отчётливо, будто кто-то поставил его на громкую запись. Пол под босыми ногами холодный, и этот холод первое, за что я могу уцепиться, единственное, что точно принадлежит реальности.

И тут голос возвращается.

Он не рвётся больше сквозь помехи, не доносится обрывками, как радиостанция на краю приёма. Теперь он звучит так, словно кто-то наконец подкрутил колёсико настройки, и шум осыпался, оставив только чистый сигнал. Я различаю не просто слова, я слышу, как они дрожат, как между ними проваливается дыхание, сбившееся, неровное, будто Николай говорит на бегу.

«София, умоляю, послушай меня. У меня мало времени».

Голос звучит так близко, что я непроизвольно оборачиваюсь, проверяя пустой угол комнаты за спиной, хотя прекрас-

но понимаю: источник не там, не в воздухе, не в стенах. Он внутри, в том же месте, где раньше жили только обрывки чужих фраз без лица и смысла. Сейчас там живое лицо. Испуганное.

«Аня. Она идёт за мной. Она хочет меня убить, она...»

Фраза обрывается, будто кто-то выдернул звук из-под неё, и я жду продолжения, вцепившись взглядом в темноту перед собой, но за обрывом тишина, густая, натянутая, как перед ударом грома. Я не понимаю, что должно случиться дальше в этой фразе, кто такая Аня, почему она хочет его убить, но от того, как это сказано, не истерично, а с какой-то обречённой, отрепетированной ясностью, у меня сводит живот.

— Николай, — шепчу я вслух, и звук собственного голоса в пустой квартире пугает меня больше, чем всё, что было до этого.

Я не привыкла говорить с голосами. Годы терапии научили меня обратному: не отвечать, не подкреплять, записывать в дневник время и содержание, дышать по схеме четыре-семь-восемь, ждать, пока пройдёт. А я стою посреди комнаты в три часа ночи и разговариваю с пустотой, называя её по имени человека, которого не видела больше года.

— Это правда ты?

Вопрос повисает в воздухе квартиры, глупый, детский, и мне кажется, что сейчас где-то в этой тишине раздастся смех, и я окончательно пойму, что разговариваю сама с собой, как делала это в самый тяжёлый период, когда мама ещё не знала,

что со мной делать, и сидела рядом ночами, держа меня за руку, будто я могла расплескаться.

Но смеха нет. Есть голос, и в нём что-то меняется, становится мягче, почти благодарным.

«Я нашёл способ дотянуться до тебя. Я не знаю, сколько у меня есть».

Фраза проходит сквозь меня холодом, который не имеет отношения к температуре в комнате. Способ дотянуться, так не говорят о звонке, не говорят о сообщении, не говорят вообще ни о чём из того языка, которым я привыкла мерить связь между людьми. Это звучит так, будто он молился, стоя на коленях где-то в темноте, будто это последняя попытка, израсходованная до дна, и я не могу объяснить себе, откуда во мне взялась уверенность, что это правда, а не метафора, рождённая моим же больным воображением. Но она есть, эта уверенность, твёрдая, как камень под рёбрами.

Сердце бьётся так, что я чувствую пульс в горле, в кончиках пальцев, прижатых к груди. Ладони становятся влажными, хотя квартира не теплее обычного, в комнате даже прохладно от приоткрытой форточки, которую я забыла закрыть вечером. Я знаю этот холодный пот, знаю эту дрожь в руках, такое бывало у меня раньше, во время приступов, во время того, что Виктор Сергеевич называл диссоциативным эпизодом. Но тогда тело реагировало на страх перед собственным разумом, на ужас оттого, что я теряю контроль. Сейчас страх другой. Он снаружи. Он весь про того, кто говорит со мной

из темноты, и про опасность, нависшую над ним, а не надо мной.

— Кто такая Аня? — спрашиваю я, уже не шёпотом, а в полный голос, забыв, что соседи за стеной спят, забыв вообще обо всём, кроме того, что голос вот-вот снова заговорит.

Тишина отвечает мне на долю секунды дольше, чем нужно, и в этой паузе я успеваю подумать: а вдруг он не слышит меня так же ясно, как я слышу его, вдруг связь работает только в одну сторону, и всё, что я кричу в пустоту, улетает в никуда, не долетая до того места, где он сейчас, прижавшись спиной к стене.

«Аня знает, где я. Если она найдёт меня раньше, чем я успею...»

Голос снова ломается, захлёбывается, и в этот раз обрыв звучит иначе, не как заминка в словах, а как резкий щелчок, с каким выключают звук посреди фразы.

* * *

«Граница... не дай ей найти меня! Соня, пожалуйста, не...»

Слово рвётся пополам, будто кто-то одним движением выдернул штекер из розетки. Нет затухания, нет эха, которое обычно остаётся после оборванного звонка, когда ещё секунду слышишь шипение линии. Просто обрыв, абсолютный, как будто фразы и не было, как будто я всё это время говорила сама с собой в пустой квартире, а теперь даже эхо собственного голоса кончилось.

Тишина наваливается не постепенно, а сразу, вся целиком, и мне кажется, что в комнате стало темнее, хотя ночник на тумбочке горит тем же жёлтым, неярким светом, каким горел минуту назад. Холод тоже другой, не тот, что от приоткрытой форточки, а какой-то более глубокий, будто пробрался не через щель в раме, а изнутри, из той точки в груди, где только что была тревога, а теперь пустота размером с эту тревогу.

Я сижу на кровати, поджав под себя ноги, и слушаю. Не ушами, уши слышат только звон собственной крови в висках, а чем-то другим, тем местом, которым я, видимо, слышала его все эти минуты. Это место молчит.

— Николай, — зову я вслух, и голос звучит слишком громко для трёх часов ночи, слишком хрупко для того, кому он адресован. — Николай, ты здесь?

Ничего. Я зову снова, уже мысленно, пытаясь вспомнить, как это вообще получалось: не я искала его, он нашёл меня, и у меня нет ни малейшего понятия, с какой стороны нужно толкнуть эту дверь, чтобы она снова открылась. Я закрываю глаза, стискиваю зубы, представляю себе его лицо, какое помню, русые волосы, падающие на лоб, то, как он щурился от солнца, и зову изо всех сил, будто громкость мысли способна пробить что-то, что сейчас стоит между нами.

Тишина не отвечает. Она просто есть, плотная, равнодушная, и от неё у меня перехватывает дыхание сильнее, чем от самого голоса минуту назад. Голос пугал меня тем, что он

мог оказаться симптомом. Тишина пугает другим: а если он был настоящим, и я только что его потеряла.

Я открываю глаза. Комната та же: та же трещина в потолке над шкафом, та же стопка книг на подоконнике, которые я так и не дочитала, те же шторы в мелкий цветочек, доставшиеся от прежних жильцов. Ничего не изменилось, и именно поэтому мне кажется, что изменилось всё.

Руки дрожат, и я смотрю на них так, будто они принадлежат не мне, а кому-то постороннему, чьё тело я ношу этой ночью напрокат. Пальцы мелко трясутся, на ладонях всё ещё липкая влага холодного пота, и я перевожу взгляд с рук на тумбочку, где лежит блистер с таблетками. Белая пластинка в жёлтом свете ночника, несколько ячеек пустые, остальные полные, круглые, аккуратные, как маленькие обещания покоя.

Обычно в такие моменты я тянусь к ним не раздумывая. Это рефлекс, выработанный годами: тревога — таблетка, голос — таблетка, бессонница — таблетка, будто у каждого страха есть свой химический ответ, который можно проглотить и запить водой из стакана, стоящего тут же. Рука почти движется сама, по привычке, и я ловлю это движение на середине пути.

Останавливаюсь.

Смотрю на блистер ещё секунду, потом беру его двумя пальцами, аккуратно, как берут что-то хрупкое, и откладываю в сторону, на самый край тумбочки, подальше от себя.

Не выбрасываю, не разбиваю о стену, ничего драматичного. Просто отодвигаю. Если то, что я слышала, было болезнью, таблетка всё равно подождёт до утра. А если нет, если хоть на секунду допустить, что нет, тогда глотать её сейчас означало бы снова заткнуть единственную ниточку, которая у меня осталась, и я не готова этого сделать, не сегодня, не после того, как услышала в этом голосе настоящий, живой ужас.

Телефон лежит рядом, экран тёмный, в отражении виден кусок потолка и моё собственное лицо, бледное и незнакомое в такой темноте. Я беру его, открываю список контактов, нахожу имя Виктора Сергеевича, палец зависает над кнопкой вызова. Три часа ночи. Если голоса начинают называть себя конкретными людьми — сразу ко мне, это важный маркер, так он сказал на последней сессии, и ещё месяц назад я бы уже набирала номер, готовая рассказать всё по порядку, спокойным голосом, каким рассказывают о симптомах.

Но я закрываю список контактов, не позвонив.

Потому что впервые за эти годы я не хочу, чтобы мне сказали, что это снова обострение. Я хочу знать, что это было на самом деле, а единственные люди, которые, возможно, способны ответить на этот вопрос, не психиатры и не терапевты с их шкалами и протоколами. Это мама и папа, которые растят меня с того момента, как я сама себя помню, которые ни разу, ни единого раза за все эти годы странных снов и ещё более странных провалов в памяти не удивились по-настоящему. Теперь, в этой звенящей тишине, вставшей на

месте оборванного голоса, мне впервые приходит в голову спросить себя: почему.

Я сижу ещё долго, глядя в темноту за окном, где небо начинает едва заметно светлеть у горизонта, и повторяю про себя одно и то же решение, как молитву, которую боюсь забыть до утра. На работу я сегодня не иду.

И поеду я не к Виктору Сергеевичу.

Я поеду к родителям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.